

соответствии с федеральными законами на основании государственной регистрации и (или) лицензии, а также в силу членства в саморегулируемой организации. Исходя из п. 1) ст. 164 Предпринимательского кодекса Казахстана от 29 октября 2015 г. субъектом рынка (данный термин используется для тех же целей, что и термин «хозяйствующий субъект» в белорусском и российском антимонопольном законодательстве) является любое физическое лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность.

2) иных физических лиц, не зарегистрированных в качестве индивидуального предпринимателя, но осуществляющих профессиональную деятельность, приносящую им доход, которая в соответствии с законодательством подлежит лицензированию. На сегодняшний день к таковым исходя из подп. 1.1. п. 1 ст. 18 Закона Республики Беларусь от 14 октября 2022 г. «О лицензировании» и п. 1 ст. 7 Закона Республики Беларусь от 30 декабря 2011 г. «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь» относятся только адвокаты и физические лица, получившие лицензию на деятельность, связанную с коллекционированием и экспонированием оружия и боеприпасов.

Исходя из изложенного полагаем целесообразным в абз. 17 ст. 1 Закона Республики Беларусь «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» слова «индивидуальный предприниматель, а также иное физическое лицо, не зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя, но осуществляющее профессиональную деятельность, приносящую ему доход, которая в соответствии с законодательством подлежит лицензированию» заменить словами «физическое лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность, а также иное физическое лицо, осуществляющее профессиональную деятельность, приносящую ему доход, которая в соответствии с законодательством подлежит лицензированию».

Список использованных источников

1. Райзберг, Б.А. Словарь современных экономических терминов / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский. – 4-е изд. – М. : Айрис-пресс, 2008. – 480 с.

1. Сойфер, Т.В. Экономическая деятельность некоммерческих организаций и ее гражданско-правовое обеспечение / Т.В. Сойфер // Журнал российского права. – 2016. – № 1. – С. 22–30.

УДК 347.440.14

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАЩИТЫ СТОРОН ПРАВООТНОШЕНИЙ, ОСЛОЖНЕННЫХ ПРИМЕНЕНИЕМ СМАРТ-КОНТРАКТОВ

Появление в современном мире смарт-контрактов, основанных на достижениях как технических наук, так и на нормах права, повлекло постепенное упрощение деятельности субъектов хозяйствования. Не секрет, что внедрение автоматизации исполнения обязательств посредством компьютерных технологий позволяет обеспечить экономию трудовых и материальных ресурсов. В этой связи представляется важным поднять проблематику эффективной защиты субъектов правоотношений, осложненных применением смарт-контрактов. Фактически должен быть решен вопрос, действительно ли действующие способы и формы защиты прав и законных интересов субъектов правоотношений применимы к смарт-контракту или же необходима разработка и внедрение особого специфического механизма защиты прав и законных интересов сторон.

В первую очередь, смарт-контракт, на наш взгляд, возможно определить как особую форму договора (электронную, основанную на использовании специального программного кода) и представляющую собой установленную специфику порядка и способов заключения договора, реализации прав и обязанностей сторон, а также прекращения договорных отношений. Его легальное определение дано в законодательстве и представляется достаточно широким, выходящим за пределы собственно гражданско-правового регулирования. Согласно п. 9 Приложения 1 Декрета Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» (далее – Декрет №8): «Смарт-контракт – программный код, предназначенный для функционирования в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределенной информационной системе в целях автоматизированного совершения и (или) исполнения сделок либо совершения иных юридически значимых действий».

К наиболее примитивному примеру использования смарт-контрактов при сделках можно отнести – торговый автомат, запрограммированный на выдачу товара и сдачи в случае выбора определенной позиции и оплаты установленного количества денежных средств. Стоит заметить, что данного рода сделки сегодня для нас являются обыденностью, как и проблемные моменты в его функционировании. В случае сбоев в работе правоотношения возвращаются «в русло» традиционных способов исполнения обязательств и разрешения споров.

Следует отметить, что, несмотря на идею автоматического исполнения обязательств, на первый взгляд, исключаящую спор, среди распространенных аргументов, направленных против повсеместного распространения смарт-контрактов выделяют высокий риск

мошеннических действий, направленных на причинение ущерба потребителю и иным участникам сделки.

Другой аргумент – проблема рассмотрения споров сторон данных правоотношений в суде [1, с. 77]. Суду будет необходимо помимо юридического аспекта рассмотреть еще и технический, что создаст проблемы, как для самой судебной инстанции, так и для стороны спора, являющейся более слабой в техническом аспекте. Указанная проблема усложняет разрешение спора.

Среди основных вопросов сложности применения регулирующих норм законодательства к смарт-контрактам, зарубежными авторами выделяется, также сложность применения норм гражданского законодательства о признании сделок недействительными, а именно: признание сделки недействительной, совершенной в отсутствие полномочий на ее совершение или же сделки, совершенной недееспособным лицом [2]. В данном случае не понятен механизм признания сделки недействительной, так как заключение сделки от имени сторон осуществляется не напрямую.

При этом, как отмечает А. Савельев, компьютер «равнодушен» к основополагающим принципам права, вместо этого в основу формирования условий договора закладываются принципы определенности и эффективности [3, с. 35]. При этом в рамках действующего законодательства, а именно ст. 2 Гражданского кодекса Республики Беларусь дается отрицательный ответ на вопрос о возможности отхода от принципов законности, справедливости в пользу принципов определенности и эффективности. Не смотря на всю сложность осуществления судебной защиты прав сторон смарт-контрактов, суды должны реагировать на грубейшие нарушения сторон при его заключении и исполнении.

Среди ученых-юристов бытует мнение о том, что смарт-контракты попросту не позволяют обеспечить защиту слабой стороны [2]. В отношении защиты прав потребителя в отношениях, осложнённых использованием смарт-контрактов, утверждается о невозможности применения положений законодательства о защите прав потребителей для защиты слабой стороны от несправедливых условий договора.

На данный момент в Республике Беларусь судебной практики по вопросам применения норм, регулирующих отношения сторон смарт-контрактов, еще не сформировалось. Исходя из этого, остается неясным механизм использования судами принципов гражданского права в рассматриваемой ситуации.

Таким образом, имеющиеся принципы гражданского права являются актуальными и действенным инструментарием, который в свою очередь может быть использован как в законодательной, так и в правоприменительной деятельности при разрешении вопросов правового регулирования отношений, осложнённых применением смарт-контракта.

Однако стоит отметить, что изменение общих условий их применения, обоснованных цифровизацией, наполняют их отличительным содержанием, способствующим поддержанию эффективности их применения. На наш взгляд судебная практика при разрешении вопросов применения норм о смарт-контрактах должна идти по пути не их отрицания, а выработки действенных механизмов разрешения коллизий.

Список использованных источников:

1. Barbry, E. Smart contracts... Aspects juridiques! [Electronic resource] / E. Barbry // Les Annales Des Mines. – 2017. – URL: <https://www.annales.org/ri/2017/ri-aout-2017/RI-AOUT-2017-Article-BARBRY.pdf> (Date of access: 08.04.2025)

1. Szczerbowski, J. J., Place of Smart Contracts in Civil Law. A Few Comments on Form and Interpretation / J.J. Szczerbowski // Proceedings of the 12th Annual International Scientific Conference NEW TRENDS 2017, November 9, 2017 / Private College of Economic Studies Znojmo. – URL: <https://ssrn.com/abstract=3095933> (Date of access: 08.04.2025)

2. Савельев, А.И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права / А.И. Савельев// Вестник гражданского права. – 2016. – № 3. – С. 32–60.

УДК 342.1

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВОВЕДЕНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ

Н.С. Минько

Национальный центр законодательства и правовой информации
Республики Беларусь, Институт правовых исследований,
кандидат юридических наук, доцент

В юридической науке экономический суверенитет традиционно понимается, как способность государства самостоятельно определять и реализовывать свою экономическую политику, контролировать национальные ресурсы и обеспечивать экономическую безопасность.

В Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 13.05.2017 № 208 «экономический суверенитет Российской Федерации» определяется как объективно существующая независимость государства в проведении внутренней и внешней экономической политики с учетом международных обязательств.

И.Н. Плотнокова указывает на широкое понимание экономического суверенитета как «возможности государства определять направления своей экономической политики и осуществлять ее; независимости государства в